

Памяти А. П. Чехова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П15

П15 Памяти А. П. Чехова / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 194 с.

ISBN 978-5-517-99843-9

ISBN 978-5-517-99843-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. П. Чеховъ былъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности съ 1889 г. *). Онъ не жилъ постоянно въ Москвѣ и не могъ принимать близкаго участія въ дѣятельности Общества, но сочувствовалъ ей и однажды (въ 1893 г.) прислалъ для публичнаго прочтенія свою новую вещь (отрывокъ изъ разсказа „Бабье царство“). Въ 1903 г., единогласно избранный временнымъ предсѣдателемъ Общества, Чеховъ отозвался слѣдующимъ письмомъ на имя предсѣдателя А. Н. Веселовскаго:

„Не знаю, какъ мнѣ и благодарить Васъ за письмо. Объ избраніи своемъ я узналъ впервые изъ газетъ, но не писалъ Вамъ, потому что поджидалъ все время подтвержденія. Это избраніе—честь, неожиданная и незаслуженная, о какой я не могъ даже мечтать. О согласіи моемъ или несогласіи не можетъ быть и рѣчи, я весь принадлежу Обществу и былъ бы счастливъ безконечно, если бы мнѣ удалось показать это не на

*) Подробнѣе отношенія Чехова къ Обществу изложены въ статьѣ г. секретаря, В. В. Каллаша („Русская Мысль“ 1905 г., № 8), легкой въ основу настоящей замѣтки.

A. J. Taylor

Чеховъ.

Основные моменты его произведений.

Ю. Айхенвальдъ.

Чеховъ.

Основные моменты его произведений.

Кончина Чехова произвела на многих впечатлѣніе семейной потери, — до такой степени роднилъ онъ съ собою, плѣняя мягкой властью своего таланта. Изъ тонкихъ нитей сплеталъ онъ въ своихъ разсказахъ человѣческія души; въ свои миниатюры онъ вмѣстилъ все глубокое содержаніе жизни и обвѣялъ его дыханіемъ проникновенной элегіи. Какъ одинъ изъ героевъ, жившій въ чудномъ саду, онъ былъ царь и повелитель нѣжныхъ красокъ. Писатель отбѣнокъ, онъ улавливалъ почти незамѣтныя переживанія сердца; ему былъ доступенъ самый ароматъ чужой души. Вотъ почему его такъ трудно анализировать, — нельзя, да и грѣшно разбирать по ниточкамъ драгоценную ткань его произведеній: это разрушило бы ее, и мы сдунули бы золотистую пыль съ крылышекъ мотылька. Чехова меньше чѣмъ кого-либо расскажешь: его надо читать, и, читая, мы какъ бы пьемъ его строки, мы боимся пропустить въ нихъ хотя бы единое слово, потому что, несмотря на свою простоту, — правда, дорогую и благородную, оно содержитъ въ себѣ художественный штрихъ наблюдательности, необыкновенно смѣлое и поэтичное олицетвореніе природы или вещей, удивительную человѣческую деталь.

Онъ тѣмъ болѣе держитъ читателя въ плѣну своего тонкаго письма, что психологическая сила скорби и грусти, которой оно проникнуто, велика и своеобразна. Грусть неотразима. Она всегда права. Когда радость придетъ къ вамъ, вы можете ея не принять, и она исчезнетъ, спугнутая горемъ, которое живетъ кругомъ и внутри каждаго изъ насъ. Но когда грусть постучится въ наше сердце, оно непременно откроется для нея, и она ласково обниметъ насъ и заговоритъ, и отъ ея прикосновенія зарождаются тихія слезы. Такъ именно подходитъ къ сердцу Чеховъ: можно ли отказать ему въ гостепрѣимствѣ?

Для его грусти характерно то, что сперва она звучала у него лишь мимолетной и робкой нотой и къ ея преобладанію онъ пришелъ отъ яркаго комизма, который, впрочемъ, никогда не покидалъ его и потомъ. Чеховъ писалъ въ *Осколкахъ*, въ *Стрекозѣ*; онъ началъ анекдотомъ. Человѣкъ, который прежде такъ смѣялся и такъ смѣшился, впоследствии поднялся на самыя вершины горя и создалъ страницы, полныя черной тоски. Конечно, по существу здѣсь нѣтъ ничего поразительнаго. Глубокому духу скоро открывается внутреннее сродство между смѣшнымъ и скорбнымъ, и Чеховъ только повиновался своей стихійной глубинѣ. Несоответствіе между идеей и ея проявленіемъ въ одинаковой степени можетъ быть послѣднимъ источникомъ какъ смѣшного, такъ и трагическаго. Нелѣпныя слова, которыя не покрываютъ своихъ понятій, безмысленныя поступки, внезапныя измѣненія хамелеона житейскихъ ситуаций, когда, напримѣръ, въ странной группировкѣ человѣческихъ фигуръ встрѣча „толстаго“ и „тонкаго“ принимаетъ столь неожиданный оборотъ,—все это вызываетъ улыбку. И она сама по себѣ является великой разрѣшительной силой и производитъ нравственно-очищающее дѣйствіе. Но когда ненужное, нестройное, неблагообразное заполняетъ всѣ поры существованія, когда нелѣпца разрастается въ несчастье и своей карриатурой вытѣс-

няеть правильныя линіи жизни, тогда одного смѣха уже недостаточно, и онъ естественно переходитъ въ скорбь. Смѣхъ, это — признакъ превосходства, силы, въ немъ есть нѣчто божественное, и на вершинахъ Олимпа громовыми раскатами звучаль гомерическій смѣхъ боговъ. Но боги могли смѣяться надъ другими, надъ бѣдной землей и ея смертными обитателями, а мы обречены высмѣивать только себя. И горько намъ служить объектомъ смѣшного. Какая драма — быть хотя бы тѣмъ чеховскимъ чиновникомъ, который умеръ отъ генеральскаго гнѣва! Смѣхъ очищаетъ, и потому его признають за желанный и положительный моментъ духа; но смѣшное — явленіе отрицательное, явленіе горестное. Отъ великаго до смѣшного — одинъ шагъ, и потому смѣшное печально. Такъ знаменательно, что физиологическій смѣхъ на своей высотѣ разрѣшается въ плачь. За смѣшного человѣка обидно, потому что онъ — вырожденіе великаго, вырожденіе человѣческаго. Какъ бы невинна ни была его комичность, по всякое смѣшное дѣйствіе не есть ли все-таки посягательство и грѣхъ противъ Дѣла (*im Anfang war die That*) и всякое смѣшное слово не есть ли посягательство и грѣхъ противъ Слова? Смѣшное не можетъ быть сущностью человѣка, не можетъ быть сердцевиной чего бы то ни было. Смѣшное временно, — проникновенный взглядъ идетъ дальше его. Какъ Поликрать боялся того постояннаго праздника, который праздновала его душа, какъ онъ для умиловленія небесной зависти жаждалъ печали, такъ и смѣющийся почувствуетъ наконецъ тревогу и раскаяніе въ томъ, что онъ забылъ серьезное міра, и тѣмъ внимательнѣе и вдумчивѣе обратится онъ къ серьезному. Правда, улыбка не оставитъ его, и въ грусти, которая его осѣнитъ, все же будетъ слышенъ свойственный ей слабый отголосокъ радости, сладости...

И Чеховъ обратился къ серьезному. На чемъ бы ни останавливаль онъ взглядъ своихъ задумчивыхъ глазъ, все принимало для него очертанія скорби. Мюнхенскій

царь безумно выпросилъ себѣ у боговъ коварный даръ своимъ прикосновеніемъ все обращать въ золото: и золотымъ слиткомъ становился для него хлѣбъ насущный. Чеховъ такого дара не просилъ, онъ его не хотѣлъ, онъ жаждалъ радости и жизни, — но поневолѣ претворялъ онъ жизнь въ золото грусти, въ осеннее золото увядающихъ листьевъ. Даже картины чарующія, даже благословенное появленіе красоты разрѣшаются у него мелодіей печали. Дважды мелькнули передъ нимъ прекрасныя женскія лица, но онъ испытывалъ „не желанія, не восторгъ, а тяжелую, хотя и пріятную грусть“. Ему становилось жаль и самого себя, и красавицы, и тѣхъ, кто ее окружалъ, точно они навсегда „потеряли что-то важное и нужное для жизни“. Онъ смутно помнилъ, что „капризная красота осыпается какъ цвѣточная пыль“, и онъ переживалъ то „особенное чувство“, которое пробуждается въ человѣкѣ отъ созерцанія настоящей красоты. И никогда не покидало его это платоновское воспоминаніе, эта свѣтлая печаль о далекой сферѣ идеала. И воспоминаніе вообще, его чары и его муки, имѣетъ очень важную долю во всемъ творчествѣ Чехова, нерѣдко образуетъ главный колоритъ и настроеніе его рассказовъ. Наши дни проходятъ, и проходя, они оставляютъ въ душѣ свои смутные, слитные образы, и человѣкъ — по свидѣтельству Чехова, особенно русскій человѣкъ — любитъ вглядываться въ эти рѣжущіе призраки былого, предпочитая ихъ пестротѣ и шуму текущаго дня. „Что пройдетъ, то будетъ мило“ и будетъ ласкать и печалить своей невозвратимой прелестью. „Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплыя ночи, пѣли соловьи, пахло сѣномъ — и все это, милое, изумительное по воспоминаніямъ, у меня, какъ у всѣхъ, проходило быстро. безслѣдно, не цѣнилось и исчезало, какъ туманъ... Гдѣ все оно?“

Если въ роковомъ увяданіи нашей жизни воспоминаніе молодого и ранняго само по себѣ волнуетъ